

2. Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. М., 1972; Вопросы развития высшей школы в Восточной Сибири. Иркутск, 1979; Очерки истории высшего и среднего специального образования в Сибири (1917 – 1980). Новосибирск, 1986;
3. Например: Активизация учебного процесса в педагогическом вузе. Омск, 1974; Преподавание истории и общественных наук на заочном отделении исторических факультетов. Л., 1974; Общественно-педагогическая работа – необходимое звено в профессиональной подготовке будущего учителя. М., 1974; Актуальные проблемы теории и истории педагогики высшей школы и высшего педагогического образования. Воронеж, 1976; Формирование личности учителя в системе высшего педагогического образования. М., 1981; Профессиональная подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. М., 1982; Психологические проблемы формирования социально-активной личности учителя советской школы. М., 1983;
4. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф.Р-750. Барнаулский государственный педагогический пединститут. Оп.1.Д.84. Л.33; Оп.5. Д.32.Л.36.
5. ЦХАФАК. Ф.Р-750.Оп.1. Д. 59.Л.6; Д. 75.Л.32; Д.96.Л.24.
6. ЦХАФАК. Ф.Р-750.Оп.1. Д. 84.Л.51.
7. ЦХАФАК. Ф.Р-750.Оп.1. Д. 95.Л.105-106.
8. ЦХАФАК. Ф.Р-750.Оп.1. Д. 96.Л.25-26.
9. ЦХАФАК. Ф.Р-750.Оп.1. Д. 66.Л.55-55 об.
10. ЦХАФАК. Ф.Р-750.Оп.5. Д. 6.Л.6.
11. ЦХАФАК. Ф.Р-750.Оп.5. Д. 18.Л.36.

Земцов В.Н.
(Екатеринбург)

Наполеон в Москве: исторический сюжет на фоне локальной истории и микроистории

Тот, кто преподает историю (отечественную или зарубежную – не важно, как не важно и то, преподает он в старших классах средней школы и лицея, на младших курсах гуманитарных или технических факультетов вузов или, наконец, на старших курсах исторических факультетов) не может не обратить внимания на то, как стремительно в последние 10 – 15 лет потускнели и стали вовсе исчезать знания у школьников и студентов не только по исторической географии, но и по географии в целом. Города, моря, реки, горы, а то и континенты оказываются объектами, недоступными для постижения даже в виде их локализации на карте. Ход какого-нибудь сражения или в целом военных действий, ранее не рассматривавшиеся на занятиях в силу их очевидности, на рубеже 1980 – 90-х гг. перестали разбираться по причине, как тогда казалось, «ненужности». Но сегодня преподаватель, желающий обратиться к военно-исторической тематике, просто опасается бессмысленности потраченных усилий.

И все же... Если на минуту отвлечься от чисто школьных и вузовских причин такой ситуации, то невольно увидишь, что убожество «картографических» знаний является лишь отражением того, что происходит в «большой» науке. Вышедшая в ведущем издательстве РОССПЭН в 2004 г. фундаментальная энциклопедия «Отечественная война 1812 года» либо просто воспроизвела устаревшие карты из работ Д.П. Бутурлина и К.Ф. Толя, либо предложила новейшие схемы, выполненные в компьютерной графике, на которых оказались «потерянными» целые дивизии и корпуса! Последние значительные работы по теме 1812 года Л.Л. Ивченко и А.И. Попова вообще оказались без карт и схем!

А между тем, в последние годы каждый второй автор исторического произведения считает своим долгом заявить о готовности вписаться в «постмодернистский поворот» и объявляет о приверженности локальной истории, микроистории, или просто заявляет о междисциплинарном ракурсе своего исследования. Реально же наблюдается, во-первых, стремление подменить кропотливую работу с источниками (без чего немислима ни микроистория, ни локальная история) пересказыванием чужих мыслей и пустым теоретизированием, а, во-вторых, путаница в новомодных терминах и неготовность реально воспользоваться новейшим инструментарием, открывающим историку немалые перспективы.

Попытаемся эти перспективы обозначить на примере важнейшего сюжета отечественной и мировой истории, а именно 36-дневного пребывания Наполеона в Москве. Как ни странно, но в отечественной и зарубежной историографии имеются только две основательные работы, посвященные этой теме. Одна принадлежит перу А.Н. Попова и вышла еще в 1876 г.! Вторая опубликована французской писательницей русского происхождения Д. Оливье в 1964 г. Если А.Н. Попов, прекрасно знавший особенности «допожарной» Москвы, удачно «накладывал» события на географию города 1812 г., то Д. Оливье, пытаясь проникнуть в движения человеческой души участников великой драмы, вместе с тем демонстрировала слабое знакомство со спецификой русской столицы того времени. В сущности, сегодня может идти речь о своеобразном соединении московского «краеведения» с тем, что принято сейчас называть «микроисторией», когда внимание концентрируется на объяснении конкретного поступка конкретного человека в конкретном месте и в конкретное время. Уже главная проблема, волнующая историков, публицистов, писателей и поэтов почти два столетия — а именно, причины и обстоятельства начала московского пожара — может предстать сейчас в новом свете. Подробная локализация местонахождения соединений и частей Великой армии, вступивших в Москву 14 сентября, в соединении с максимальной возможной детализацией действий ее чинов и самого Наполеона позволяет понять мотивы действий французов и их главнокомандующего. Наполеон, вопреки всему предшествующему опыту военных действий в России, был уверен, что русские не станут жечь Москву! Несмотря на, казалось

бы, очевидность развития событий 14 и 15-го сентября, а именно, начала больших пожаров, организованных русским командованием и властями, французский император упорно отказывался принимать меры для их предотвращения. Именно это привело к поистине гигантскому размаху московской трагедии. Стоит ли говорить, что такое утверждение мы решились высказать только после кропотливого изучения карт «допожарной» Москвы и карты 1813 г.; совмещения сотен свидетельств солдат-иностранцев, плохо знавших русскую столицу, а значит, и допускавших явные неточности; локализации мест первых пожаров; учета атмосферных явлений (прежде всего, направления и силы ветра); особенностей восприятия отдельными чинами Великой армии русских реалий (на основе учета их предшествующего персонального опыта и особенностей сознания, отразившихся в их дневниках, письмах, мемуарах и пр.); достоверной реконструкции (иногда по часам и минутам) действий французского императора.

Не менее ценный материал дает изучение повседневной жизни чинов наполеоновской армии в Москве. Комплекс различных документов, прежде всего личного происхождения (где вопросам быта и личных ощущений уделено значительное место), позволяет нам нарисовать картины, обычно исчезающие при обращении к «большой истории», а именно – рацион питания, устройство кухонь, освещения, отхожих мест и всего того, что ежедневно определяет настроение человека, его ощущения комфорта или дискомфорта, характер восприятия чужого образа жизни и пр. Стоит ли отмечать, что такого рода «малая история» возможна только при тщательной реконструкции географии города и его развалин в 1812 г. Немалое место в воспроизведении этого исторического «среза» занимает вопрос о реконструкции быта и ощущений самого Наполеона. В этой связи сразу следует определить, что французский император, вопреки утверждениям многих авторов, отнюдь не чувствовал себя в изоляции, будучи якобы «скован партизанами». Он мог достаточно свободно, при желании, расширить районы фуражирования, отправляя войска в Дмитров, Богородск, и даже был готов продвинуть части 3-го армейского корпуса до Владимира. Недавняя реконструкция реальной картины действий партизанских отрядов, осуществленная А.И. Поповым, серьезно меняет наши представления о географии и характере «московской ловушки». Прояснение проблемы об объемах продовольствия, имевшихся в распоряжении Великой армии в Москве также по-новому ставит вопрос о возможности зимовки в русской столице. Картина мероприятий, проводимых по защите Кремля, Новодевичьего монастыря и ряда других объектов не может свидетельствовать о том, что они проводились только ради «введения противника в заблуждение». Тем большую актуальность вновь приобретает вопрос о главных причинах и сроках оставления Наполеоном Москвы.

Немаловажную роль имеет вопрос о мародерстве и других бесчинствах солдат Великой армии в Москве. Не только во французской, но и в отечественной историографии (вплоть до Н.А. Троицкого) бытует тезис о том,

что собственно французские части вели себя в Москве достойно, а вина за все бесчинства лежит чуть ли не исключительно на поляках, баварцах, саксонцах, вюртембергцах, итальянцах и пр. «Микроисторический материал» при совмещении его с «локальной историей» дает более точную картину, которая оказывается весьма отличной от расхожих утверждений, бытующих почти 200 лет в литературе. Речь, в сущности, должна идти не только о национальных особенностях и склонностях к мародерству, насилиям и убийствам, но об общих изменениях в человеческой натуре в условиях войны.

12 октября (н. ст.) 1812 г. в Москве выпал первый снег, который долго не таял. К тому времени подготовка к отступлению Великой армии из Москвы уже шла полным ходом. Большие морозы, как доложили Наполеону на основе изучения календарей за 40 лет, должны были начаться только в первых числах декабря (н. ст.). Таким образом, казалось, что Великая армия имела все возможности идти туда, куда она хочет, и остановиться там, где она пожелает. Почему же все закончилось для нее катастрофой? Убедительный ответ на этот главный вопрос русской и европейской истории начала XIX в., как нам представляется, может дать лишь рассмотрение всей совокупности «мелких событий» через наложение их на крупномасштабную «историческую карту». Только после этого историки смогут предложить свои выводы, обогащенные уверенностью (или видимостью уверенности?) в подлинности знания, тем, кто изучает учебную дисциплину под названием «История».

Зубкова И.А.
(Екатеринбург)

К проблеме разработки мониторинга школьного исторического образования: уроки британской реформы

В самом общем смысле, понятие «мониторинг образования» можно определить как систему регулярного наблюдения и контроля за реализацией исходно сформулированных целей и стратегий обучения с целью их необходимой корректировки. Мониторинг может быть описан относительно просто – в терминах конкретных контрольных процедур. Но, как правило, за этими процедурами стоит довольно сложная и постоянно возобновляемая методологическая рефлексия по поводу того, насколько реализуемые цели образования соответствуют назревшим потребностям общества и насколько в этой связи профиль и уровень подготовки учащегося соответствуют этим запросам со стороны общества. Осознание во всей полноте необходимости в организации и внедрении систем мониторинга образовательной деятельности почти целиком принадлежит XX веку, являясь следствием беспрецедентного динамизма общественного развития и быстро изменяющегося характера со-